

Лермонтовъ, Владиславъ Чарльзъ;

МАТЕРИАЛЫ

для

БІОГРАФІИ ГОГОЛЯ.

В. И. Шенрока.

—
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Счастливо то время, когда раздается
гроаный голосъ сатирика: когда же
явится достойный преемникъ Грибо-
ѣрова, Гоголя, Салтыкова?

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснеръ и А. Гвішль,
представникъ Ф. Лисснера и Ю. Романа.
Водоиземка, Крестовоздвиж. п., д. Лисснера.

1897.

891.78
G60
SEEMA
1970
V.4

Printed in the Netherlands

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предыдущій томъ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя» вызвалъ слѣдующія рецензіи:

- «Вѣстникъ Европы» (1895, III),
«Русскія Вѣдомости» (въ мартѣ 1895),
«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія»
(1895, IV),
«Наследатель» (1895, IV),
«Русская Мысль» (1895, IV),
«Русское Богатство» (1895, IV),
«Кievская Старина» (1895, IV),
«Русская Старина» (1895, V),
«Сборникъ Нивы» (1895, VIII),
«Исторический Вѣстникъ» (1896, III).
-

Feci, quod potui; meliora facturus sum.

Настоящимъ томомъ заканчивается нашъ трудъ, къ горому, сднако, мы предполагаемъ современемъ вернуться, чтобы обработать его въ окончательной формѣ (т. е. въ видѣ уже не «матеріаловъ», а самой біографіи). Мы предполагаемъ не столько расширить размѣры (о, для чего едва ли можетъ найтись много новыхъ данныхъ, сколько точнѣе выяснить всѣ подробности, начиная съ мелочныхъ хронологическихъ, и устраниТЬ кое-гдѣ нарушающія стройность общаго плана невольные возвращенія къ предыдущему, вслѣдствіе появле-

нія въ печати новыхъ материаловъ, которые не могли быть приняты во вниманіе въ предшествующемъ, уже отпечатанномъ, томъ¹). Въ слѣдующей обработкѣ нашего труда, послѣ того какъ теперь готовы и собраны всѣ данные, было бы очень легко достигнуть безусловно строгаго распределенія материала какъ по отдѣльнымъ томамъ, такъ и вообще²); также явилась бы возможность опустить нѣкоторые напечатанныя нынѣ письма, мелкая библіографическая поясненія (напр. исправленія неточныхъ датъ), полемику, пересмотръ высказанныхъ другими мнѣній³) и т. п. Кромѣ того, въ настоящемъ томѣ мѣстами, а особенно въ концѣ книги, гдѣ приходится имѣть дѣло съ слишкомъ отрывочными данными, мы предпочитали руководиться въ изложениіи преимущественно такой группировкой сообщаемыхъ свѣдѣній, которая могла бы лучше раскрыть наши взгляды на разныя стороны характера Гоголя, не задаваясь педантическимъ соблюденіемъ хронологіи во всѣхъ мѣсочахъ — тогда какъ, впослѣдствіи, если взгляды эти получатъ признаніе, многіе доводы сами собой окажутся излишними и всѣ вообще факты могутъ

¹) Мы уже имѣли случай указывать на это въ примѣчаніяхъ ко II и III томамъ. Точно также мы не могли включить въ III томъ нѣкоторыхъ объясненій, касающихся первого тома «Мертвыхъ Душъ» (изъ нашихъ редакторскихъ примѣчаній къ VII тому X изд. соч. Гоголя и основанныя на рукописяхъ, поступившихъ въ наше распоряженіе уже по отпечатаніи третьяго тома). Наконецъ уже во время печатанія четвертаго тома появились въ печати письма Гоголя къ Шевыреву I, (См. отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1893 г.).

²) Въ данномъ случаѣ имѣло особенное значеніе то обстоятельство, что именно въ послѣднія лѣтъ десять появилось много статей и воспоминаній о Гоголѣ. Кромѣ того огромное затрудненіе представляла не только обширность, но и чрезвычайная разбросанность печатныхъ и рукописныхъ материаловъ, съ трудомъ доставаемыхъ и отчасти встрѣчающихся лишь въ рѣдкихъ и мало доступныхъ старыхъ изданіяхъ, или иногда въ рукахъ несговорчивыхъ обладателей (письма и рукописи, которыхъ вслѣдствіе этого получались мною въ весьма случайномъ порядке, чтѣ, въ свою очередь, обусловливали предварительное составленіе отдѣльныхъ статей, потребовавшихъ потомъ объединенія). См. также т. II, стр. VIII.

³)忽орировать эти мнѣнія, часто чрезвычайно противорѣчивыя, мы не считали себя въ правѣ.

быть изложены въ строжайшей хронологической последовательности.

Для исполненія нашего плана въ желаемыхъ размѣрахъ было бы весьма важно возможно-широкое обсужденіе въ печати нѣкоторыхъ трудныхъ и спорныхъ вопросовъ, съ которыми мы встрѣчаемся при изученіи жизни Гоголя¹). Вѣдь дѣло идетъ о писателѣ великому, капитальному, а не о какомъ-нибудь забытомъ романистѣ вродѣ Маркевича. Въ предлагаемомъ томѣ напр. мы старались представить возможно болѣе полное и цѣльное, на основаніи имѣющихся фактовъ, разясненіе постепенного созрѣванія въ Гоголѣ мистицизма (для чего виѣшніе факты, не имѣющіе отношенія къ данному вопросу въ промежутокъ 1840—1842 годовъ, были особо разсмотрѣны въ предыдущемъ томѣ); далѣе мы старались объяснить и разграничить въ Гоголѣ борьбу мистической самоувѣренности (которую отличаемъ отъ обыкновенной гордыни) съ мучительными сомнѣніями въ себѣ, и въ связи съ этимъ въ послѣднюю недѣлю его жизни борьбу ужаса передъ загробной отвѣтственностью съ упорнымъ желаніемъ умереть и т. п. Но было бы слишкомъ самоувѣренно съ нашей стороны считать предлагаемое объясненіе происходившаго въ душѣ Гоголя сложнаго психологического процесса окончательнымъ и безусловнымъ рѣшеніемъ столь трудной задачи²). При всемъ томъ смысли надѣяться, что тща-

¹⁾ Здѣсь мы имѣли бы въ виду не однихъ даже представителей литературной критики, но чрезвычайно любопытно и желательно было бы знать также взгляды по даннымъ вопросамъ специалистовъ психологіи и даже богословія (особенно обѣ отношеніи воззрѣній Гоголя къ истинному пониманію ученія церкви). Предлагаемая ниже вступительная глава только затрагиваетъ многое, что рассматривается потомъ подробнѣе и что могло бы вызывать разныя мнѣнія и даже полемику между специалистами-психологами.

²⁾ Само собою разумѣется, что еще труднѣе съ точностью установить фазы постепенно совершившагося перелома, и, приводя по этому вопросу соображенія близкихъ къ Гоголю лицъ, мы смотримъ на нихъ лишь какъ на материалъ для его разрѣшенія, не отвѣчая за естественное и неизбѣжное разно-

тельно собранные материалы должны подвинуть впередъ дѣло изученія нашего писателя и во всякомъ случаѣ устранитьaprіорныя или основанныя на слишкомъ недостаточномъ и отрывочномъ изученіи лжетолкованія характера Гоголя и значенія его «Переписки съ друзьями»¹).

Въ виду слишкомъ разросшагося объема книги намъ пришлось отказаться отъ помѣщенія хронологической канвы и отъ изложенія нѣкоторыхъ мелкихъ подробностей въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не имѣютъ большого значенія или были уже попутно изложены у Н. С. Тихонравова въ его «примѣчаніяхъ редактора», — при чёмъ на нихъ вездѣ дѣлаются точные указанія, — также отъ обзора статей, вызванныхъ извѣстной поддѣлкой второго тома «Мертвыхъ Душъ» (этотъ обзоръ могъ бы имѣть мѣсто въ приложеніяхъ), а въ алфавитномъ указателѣ — указаній къ приложеніямъ. Но перепискѣ, вызванной «Выбранными Мѣстами» и касающейся болѣзней и лѣченія, мы отвели довольно мѣста, желая также и другимъ дать возможность дополнять изученіе біографіи Гоголя.

При всемъ стремленіи къ полнотѣ въ изложеніи біографическихъ фактовъ, мы чувствовали себя, однако, въ нѣкоторой зависимости отъ находящихся въ нашемъ распоряженіи источниковъ, причемъ особенно жалѣемъ о пропажѣ чрезвычайно важныхъ писемъ къ Гоголю о. Матвѣя, также обѣ отсутствіи воспоминаній о первыхъ годахъ жизни нашего писателя въ Петербургѣ, о жизни

гласіе и не смущаясь неуловимостью оттѣнковъ. Такъ въ 1848 г. Данилевскій не замѣчалъ перемѣны въ Гоголѣ, но, давая себѣ отчетъ позднѣе въ «переломѣ», онъ находилъ признаки его и въ гораздо болѣе раннѣе время. Но такъ всегда бываетъ въ жизни (См. ниже, 207 — 208). Притомъ мнѣнія эти высказывались не психологами и спустя десятки лѣтъ послѣ событий.

1) Мнѣнія, конечно, всегда останутся неодинаковыми, но можно желать обсужденія «Переписки съ друзьями» уже въ связи съ біографическими данными, а не на основаніи произвольныхъ личныхъ соображеній.

его въ сороковыхъ годахъ въ семьѣ Жуковскаго за границей и въ пятидесятыхъ — въ семьѣ графа А. П. Толстого въ Москвѣ. Жалѣемъ также, что за отсутствіемъ данныхъ не могли вполнѣ очертить отношенія Гоголя къ менѣе близкимъ его пріятелямъ, напр. кн. Вяземскому¹) и кн. Одоевскому, затѣмъ къ Н. Ф. Павлову, одному изъ кредиторовъ Гоголя и въ то же время его постоянному недоброжелателю, въ свою очередь не любимому Гоголемъ; наконецъ къ П. В. Нашокину, почти совсѣмъ не знакомому съ нашимъ писателемъ, но котораго тѣмъ не менѣе Гоголь, хорошо зная по слухамъ о его разгульной жизни, считалъ возможнымъ съ своей особой точки зрѣнія рекомендовать въ наставники къ дѣтямъ Бенардаки (кромѣ относящагося сюда письма Гоголя къ Нашокину, напечатанного въ «Русскомъ Архивѣ»²), мы рѣшительно ничего не нашли для разъясненія этого факта, вслѣдствіе чего и опустили этотъ эпизодъ въ нашемъ разсказѣ).

Еще нѣсколько замѣчаній во избѣжаніе мелочныхъ придиrokъ³). — Считаемъ нужнымъ въ-первыхъ обратить вниманіе на различіе *истинной религіозности*, которую мы признаемъ въ Жуковскомъ и Шереметевой, и ея уклоненіями въ мистицизмъ и фанатизмъ (у Гоголя, гр. А. П. Толстого, о. Матвѣя и проч.) Далѣе, находя въ нѣкоторыхъ случаяхъ Гоголя недостаточно дипломатичнымъ, мы признаемъ его безусловно искуснымъ и тонкимъ дипломатомъ въ сравненіи съ младенцемъ по отношенію къ жизненному опыту А. А. Ивановымъ. Мы не отрицаемъ, что иные друзья Гоголя

1) Любопытно напр., что Гоголь высказывалъ желаніе, чтобы Вяземскій взялъ на себя трудъ составить полную біографію императрицы Екатерины II (Соч. Гог., изд. X, т. VII, стр. 871).

2) См. „Русск. Арх.“, 1878, I, стр. 76—80.

3) Былъ одинъ примѣръ весьма мелочныхъ и неосновательныхъ придиrokъ, на которыхъ я вынужденъ былъ отвѣтить во второмъ томѣ.

воскуряли ему ѿміамъ, но не согласны эту черту признавать исчерпывающей сущность ихъ взаимныхъ отношений. Мы утверждаемъ, что задушевность и простота Шереметевой заставляли обыкновенно забывать о ея странностяхъ, но въ то же время должны сообщить, что А. О. Смирнову названныя качества не удержали отъ насмѣшекъ надъ почтенной старушкой. Говоря о ссорѣ Гоголя съ Погодинымъ, я употребляю иногда, быть можетъ, безъ строгаго разграничения слова: «ссора» и «размолвка». На стр. 26, говоря, что по взгляду Аксаковыхъ, для Гоголя не должны были существовать въ Петербургѣ Бѣлинскій, Краевскій и Полевой, я имѣю въ виду не столько указаніе личностей, сколько *литературную круга*, такъ какъ Полевой не былъ собственно ни знакомымъ, ни доброжелателемъ Гоголя¹). — Опровергать мелочныя придирики не трудно, какъ это и сдѣлалъ я въ приложениі ко второму тому (стр. 385—403), но заниматься подобными препирательствами дѣло слишкомъ неблагодарное²).

Для не интересующихся подробностями мы имѣемъ въ виду черезъ нѣкоторое время предложить сокращенное изложеніе составленной нами біографіи, въ одномъ томъ, съ удержаніемъ всего наиболѣе существеннаго.

1) Сопоставленіе это принадлежитъ самому С. Т. Аксакову и я, упоминая объ этихъ лицахъ, имѣль въ виду *по собственнымъ слова* („Русск. Архивъ“. 1890, VIII, стр. 107).

2) Въ одномъ случаѣ, именно въ вопросѣ о точномъ установлении времени сватовства Гоголя къ А. М. Віельгорской, впрочемъ, дѣйствительно трудно устраниТЬ сбивчивость и колебанія, такъ какъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактомъ, который по самому своему существу *былъ особенно тщательно скрываемъ*.

Н. В. ГОГОЛЬ.
ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ.
1842—1852.

ПОСЛѢДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ГОГОЛЯ.

1842—1852.

I.

Послѣднее десятилѣтіе жизни Гоголя представляетъ печальную картину медленнаго, но тяжелаго и упорнаго процесса физическаго разрушенія па ряду съ явнымъ упадкомъ таланта и болѣзненнымъ напряженіемъ религіознаго экстаза. Нельзя было бы повторять избитую легенду о сумасшествіи Гоголя, такъ долго державшуюся въ публикѣ; но нельзя въ то же время отрицать несомнѣнное нарушеніе въ немъ за послѣдніе годы, въ связи съ физическимъ разстройствомъ, и душевнаго равновѣсія. Никто изъ короткихъ знакомыхъ Гоголя не признавалъ въ немъ безусловно психическаго разстройства, хотя иные, какъ С. Т. Аксаковъ, считали его возможнымъ въ будущемъ; но съ другой стороны не было также никого, кто бы рѣшился утверждать, что въ послѣдніе годы не замѣчалось въ Гоголѣ чрезвычайно рѣзкой перемѣны, и это впечатлѣніе современниковъ не можетъ быть не принимаемо въ разсчетъ при сужденіи о послѣдніхъ годахъ Гоголя¹). Однимъ словомъ, усиленіе въ немъ душевныхъ недуговъ и страданій *безспорно*, но дошло ли оно до степени, предполагаемой многими — это большой вопросъ.

Самъ Гоголь, безъ сомнѣнія, очень чувствовалъ и постоянную потерю силъ и упадокъ творчества. Трудно только сказать, насколько происходила въ немъ борьба надежды съ отчаяніемъ, потому что послѣднее охватывало его только изрѣдка и весьма не надолго, въ самыя критическія минуты, тогда

¹) Ниже мы приведемъ разсказы о томъ, что Гоголь иногда въ послѣдніе годы оживался и шутилъ, но это показываетъ только, что психическая болѣзнь не достигла въ немъ крайней степени развитія, и въ этомъ смыслѣ мы утверждали и повторяемъ это, что, во нашему мнѣнію, обѣ умственному разстройству его не можетъ быть рѣчи.

какъ въ обыкновенное время, благодаря сильному религіозному чувству, онъ умѣлъ изумительнымъ образомъ поддерживать въ себѣ бодрость, не смотря ни на что. Какъ бы ни было ужасно настоящее, въ его воображеніи всегда рисовалась лучшая пора въ будущемъ, вопреки всякой очевидности; прибѣгая за утѣшениемъ къ религіи, Гоголь готовъ былъ скорѣе ждать чуда, нежели безстрашно представить себѣ весь ужасъ своего положенія. До знаменитой катастрофы, постигшей „Переписку съ друзьями“, Гоголь бодро смотрѣлъ впередъ и мужественно переносилъ всѣ испытанія, не теряя ни на минуту увѣренности въ успѣшномъ совершеніи предстоявшаго ему подвига; если у него и бывали колебанія, и страхъ за себя и за исполненіе завѣтной цѣли всей жизни, то въ сущности это настроеніе никогда не являлось въ такой степени опредѣлившимся, чтобы оно исключало надежду на возможность внезапнаго измѣненія дѣла помощью благодати Божіей и чудеснаго обновленія его силъ и способностей¹⁾). Если въ глубинѣ души и зарождалось иногда сомнѣніе, то сила вѣры всегда превозмогала его. Послѣ „Переписки“ Гоголь уже утратилъ въ значительной степени поддерживавшее и воодушевлявшее его самообольщеніе, но привычная ассоціація идей все-таки сохраняла надъ нимъ свою полную власть, и онъ, уже отступившись отъ многихъ своихъ надеждъ, нисколько не сдавался въ главномъ, продолжая упорно надѣяться на совершеніе съ Божіей помощью задуманнаго дѣла, но уже безъ „прежнихъ излишествъ“. Всѣ свои неудачи онъ приписывалъ только внѣшнимъ причинамъ и неумѣнью взяться за дѣло, а дѣло это, т.-е. преслѣдуемая имъ задача оставалась та же. Гоголь совсѣмъ уже изнемогалъ въ неравной борьбѣ, творчество его готово было совсѣмъ изсякнуть, работа не подвигалась впередъ, но онъ жилъ убѣженіемъ, что могущественная воля Божія можетъ сразу все измѣнить. Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ на основаніи вполнѣ достовѣрнаго источника, приведу слѣдующія слова о Гоголѣ покойнаго П. В. Анненкова, видѣвшаго его въ послѣдній разъ уже незадолго до его смерти: „Гоголь тогда все еще готовилъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“. По крайней мѣрѣ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи любопытно начало письма къ Анненкову изъ Остенде въ августѣ 1847 г. (см. «Анненковъ и его друзья», стр. 503).

на мое замѣчаніе о нетерпѣніи всей публики видѣть завершеннymъ наконецъ его жизненный и литературный подвигъ вполнѣ, онъ мнѣ отвѣчалъ довольноымъ и многозначительнымъ голосомъ: „Да вотъ попробуемъ!“ Я нашелъ его гораздо болѣе осторожнымъ во мнѣніяхъ послѣ страшной бури, вызванной его „Перепиской“, но *все еще оптимистомъ въ высшей степени* и едва понятнымъ для меня¹).

Какъ большинство больныхъ, Гоголь находилъ особую отраду въ бесѣдахъ съ другими страдальцами, питалъ къnimъ самое искреннее расположеніе и тотчасъ обращался всей душой къ тому, кто скорбѣлъ объ утраченномъ навѣки здоровьѣ или вообще о какихъ-нибудь непріятностяхъ и огорченіяхъ. Примѣровъ въ перепискѣ можетъ быть указано множество; вотъ одинъ изъ болѣе любопытныхъ. Послѣ цѣлаго ряда не совсѣмъ пріятныхъ писемъ отъ Шевырева, изъ которыхъ въ одномъ даже „заключалась и журьба, и что-то въ родѣ не совсѣмъ отчетливаго нагоняя“²), Гоголь неожиданно получилъ болѣе спокойное письмо, но наполненное жалобами и недовольствомъ на состояніе современной литературы. Гоголь тотчасъ же почувствовалъ живѣйшую потребность подѣлиться своими взглядами, сказать слово утѣшенія и потолковать на любимую тему о самовоспитаніи. Всѣ доводы Гоголя совершенно гармонируютъ съ его тогданимъ міросозерцаніемъ и не могутъ быть не признаны искренними. Вотъ что онъ пишетъ: „Твое чувство непріятно, и мнѣ оно вполнѣ знакомо“³). Но является оно тогда, когда приглядываешься больше, чѣмъ слѣдуетъ, къ этому кругу; а какъ взглянешь съ мѣста повыше, увидишь, что все это на минуту, все подъ вліяніемъ моды. Оглянешься: ужъ на мѣсто одного — другое: сегодня гегелисты, завтра шеллингисты, потомъ опять какие-нибудь исты. Чтѣ же дѣлать? уже таково стремленіе общества быть какими-нибудь истами. Человѣчество бѣжитъ опрометью, никто не стоитъ на мѣстѣ; пусть его бѣжитъ: такъ нужно. Но горе тѣмъ, которые поставлены стоять недвижно у огней истины, если они увлекутся общимъ движеніемъ, хотя бы даже съ тѣмъ, чтобы образумить тѣхъ, которые мчатся. Хороводъ этотъ кружится,

1) «П. В. Авенковъ и его друзья», стр. 515.

2) Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 12.

3) «Русская Старина», 1875, IX, 118—119.

кружится, а наконецъ можетъ вдругъ обратиться на мѣсто, гдѣ они истины. Чѣдъ жъ, если онъ не найдетъ на своихъ мѣстахъ блестителей, и если увидятъ, что святые огни пылаютъ неполнымъ свѣтомъ? *Не опроверженіемъ минутнаго, а утвержденіемъ вѣчнаго должны заниматься многие, которыми Богъ далъ не общіе всѣмъ дары.* Человѣку, рожденному съ силами большими, слѣдуетъ, прежде чѣмъ сразиться съ міромъ, глубоко воспитать себя⁴. Такъ смотрѣлъ на свое призваніе и на цѣль своей жизни нашъ мистикъ еще задолго до „Переписки съ друзьями“, явившейся потомъ результатомъ этого міровоззрѣнія. Все, что занимало умы современаго человѣчества, казалось Гоголю не болѣе какъ дѣйствіемъ моды и безтолковымъ толченіемъ на мѣстѣ. Себя онъ считалъ, напротивъ, призваннымъ всецѣло посвятить „утвержденію вѣчнаго и охраненію огней истины“. Но причиной такихъ невѣроятныхъ уточнѣй могло быть вовсе не *помышленство*, а просто недостатокъ образованія и иѣкоторая *ограниченность понятій*. *Его коренная ошибка происходила отъ поразительно смутнаго представленія о движениіи науки, о прогрессѣ и проч. и возникшей на почвѣ этого недоразумѣнія фантастической самоувѣренности.* Здѣсь впрочемъ не было также особенной гордыни, такъ какъ не столько самомнѣніе сбило съ толку великаго писателя — онъ вѣдь хотѣлъ только исполнить свой долгъ, направивъ даръ на „утвержденіе вѣчнаго“, не имъ открытаго, а давно извѣстнаго всѣмъ изъ Евангелія — но его сгубилъ недостатокъ образованія и *неимовѣрно лѣжко-мысленно-наивное представленіе объ „истахъ“ и „умникахъ“*¹). Къ этому злу присоединилось еще горшее — крайняя болѣзненность организма.

Съ другой стороны, безъ сомнѣнія, виноваты были въ извѣстной степени также друзья и знакомые, изъ которыхъ иные

¹⁾ „Русск. Стар.“, 1875, IX, 118—119. Впослѣдствія бывали минуты, когда Гоголь начиналъ колебаться въ томъ, что избралъ вѣрный путь для совершенствованія въ литературномъ поврищѣ; см. напр. „Русск. Жизнь“, 1892, № 78: „Умъ мой былъ вѣ глуго. Умъ мой совсѣмъ мнѣ хорошо. Онъ мнѣ совсѣмъ дѣлать свое дѣло, не смущаясь ничѣмъ, ни съ кѣмъ не входить въ изъясненія, не выдавать ничего въ свѣтъ, пока не придешь въ такое состояніе, когда твои строки будутъ стоять печати“ и проч. Но и въ этихъ словахъ, какъ и слѣдующихъ за вими, видны односторонность и заблужденіе, настолько сильныя, что, можетъ-быть, и во время этихъ колебаній Гоголя уже поздно было отказаться отъ мистицизма. Въ томъ же цитированномъ письмѣ см. оригиналъ разсужденія Гоголя объ умѣ.

играли довольно странную роль въ своихъ сношенияхъ съ Гоголемъ, замѣчая несостоятельность его взгляда и въ то же время не только не имѣя мужества спорить съ нимъ, но даже относясь къ нему съ какимъ-то слѣпымъ подобострастіемъ. (Если Гоголь въ непосредственныхъ отношеніяхъ бывалъ очень скрытенъ и необщителенъ, то его нельзя упрекнуть въ недостаткѣ многорѣчиваго морализированія въ письмахъ). Такимъ былъ даже, напр., Анненковъ, также Чижовъ, не говоря уже о Толстыхъ, Апраксиныхъ, Смирновыхъ и Віельгорскихъ. Въ письмахъ къ Анненкову Гоголь уже съ самаго начала является явно болынымъ человѣкомъ, тогда какъ Анненковъ слишкомъ скромно держитъ себя въ сношенияхъ съ нимъ, какъ заурядный человѣкъ въ сравненіи съ неизмѣримо высоко стоящимъ геніемъ¹). Анненковъ спрашиваетъ совѣтовъ Гоголя, съ благоговѣніемъ выслушиваетъ его разсужденія, напрашивается на порученія, почтительно принимаетъ самоувѣренная и безцеремонная нотаціи. Уже все письмо къ Анненкову отъ 10 мая 1844 г. написано было совершенно въ духѣ „Переписки съ друзьями“, но Анненковъ отвѣтилъ Гоголю письмомъ, которое тронуло послѣдняго „отсутствіемъ гордой самоувѣренности въ себѣ“²). Надо полагать, что такое неполученіе отпора своимъ болымъ идеямъ могло только утверждать Гоголя въ увѣренности, будто онъ въ самомъ дѣлѣ находится на истинной дорогѣ³). Уже значительно позднѣе Анненковъ рѣшался иногда нѣсколько смѣлѣе выразить свои взгляды⁴), но тогда онъ получалъ отъ Гоголя такія письма, которые выдавали закоренѣлость его заблужденій и въ которыхъ Гоголю случалось иногда обмолвиться драгоценными свидѣтельствами извращенного взгляда на себя и на задачи своей жизни. Гоголь говорить, что каждый обыкновенный человѣкъ „можетъ наговорить много излишествъ, можетъ увлечься своимъ предметомъ“, но „правду усмотрѣть можетъ только всесторонній и полныи геній, который получилъ на свою долю

¹) Гоголь однажды даже бранилъ Анненкова за неумѣренныя похвалы себѣ. („П. В. Анненковъ и его друзья“, стр. 498).

²) «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 502.

³) Между тѣмъ Гоголь былъ какъ разъ увѣренъ, что «анатомируя собственную душу въ желаніи узнать глубже душу человѣка вообще, онъ встрѣтится на этомъ пути съ Тѣмъ, Который болѣе всѣхъ насть зналъ душу человѣка». («П. В. Анненковъ», стр. 509). Онь не допускалъ и сомнѣнія въ этой мысли.

⁴) «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 505 и 509.